

трудно. Но не исключено, что во многом это происходило похожим образом.

Примечания

¹ См.: Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 гг. М., 1994. С. 151–163.

² Собранные сведения уже в наше время легли в основу книги: Орехов Д. А. Святые источники России. М., 2007.

³ См.: Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святые Северо-Запада России. СПб., 1998.

⁴ Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп / Отв. ред. Т. А. Бернштам. СПб., 1995. С. 100–116.

⁵ См., например, подборку «Сельские святые Северо-Запада России» в «Живой старине»: Штырков С. А. Опыт изучения сельских святых // ЖС. 2003. № 3. С. 18; Филичева О. Н. Почитаемые источники Восточной Новгородчины // ЖС. 2003. № 3. С. 19–21; Кормина Ж. В. Пещёрка // ЖС. 2003. № 3. С. 25–28.

⁶ См.: Петрова Н. С. Водные источники в локальном брендинге и фольклоре Велижского района // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы / Отв. ред. М. В. Ахметова. М., 2015. С. 129–139; Лобач У. А., Валодзіна Т. Святые крыніцы Беларусі. Мінск, 2016.

⁷ См.: Чернов С. З. Сфрагистический комплекс из Могутова и его значение для изучения предыстории Московской земли в первой половине XII века. Первые опыты

интерпретации // Древняя Русь. 2003. № 2. С. 5–33 (ч. 1); 2003. № 3. С. 5–21 (ч. 2).

⁸ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 192.

⁹ См. об этих праздниках подробнее в статье: Глазунова О. Н. Цикл местночтимых пятничных праздников на северо-востоке Московской области // ЖС. 2008. № 2. С. 15–19.

¹⁰ Глазунова О. Н. Пушкинские Горы: Ландшафтно-этнографический очерк // Наследие и современность. Вып. 1. М., 2010. С. 123.

¹¹ В рассказе смешиваются две святые, почитание которых приходятся на разные дни октября: вмц. Параскева (III в., память 28.X/10.XI) и прп. Параскева-Петка Тырновская, или Эпиватская, в русской традиции — Сербская (XI в., память 14/27.X). Мощи вмц. Параскевы находятся на Афоне в русском Пантелеимоновом монастыре, мощи прп. Петки Тырновской, первоначально находившиеся в Тырнове (Болгария), несколько раз переносили с целью сохранить от уничтожения турецкими завоевателями: в 1393 г. — в Видин (ныне северо-западная Болгария), в 1396 г. — в Белград, в 1521 г. — в Константинополь и в 1641 г. — в Яссы (ныне Румыния), где они покоятся и сейчас в Сретенском соборе.

«Деревня Топловка» в Крыму — это, очевидно, с. Тополовка (бывш. греч. деревня Топлу, букв. «место, местность»), в окрестностях которой находится Топловский Троице-Параскевиевский женский монастырь, построенный у целебного источника, о котором местное население хранило предание, что здесь претерпела мучения вмц. Параскева.

Последней игуменьей монастыря до его закрытия в 1928 г. была мать Параскева (1849–1928, в миру Ольга Ивановна Родимцева, уроженка Москвы), могила которой сохранилась на монастырском кладбище и была обнаружена в 1990-е гг. Вероятно, об этой могиле подвижницы рассказывает информантка как о «могиле Параскевы Пятницы». Кроме того, в монастыре хранится частица мощей вмц. Параскевы, которая, очевидно, находится в ковчеге «под стеклом». — *Прим. ред.*

¹² В действительности 11-я пятница приходится на 69-й день после Пасхи. — *Прим. ред.*

¹³ Представление о том, что «на некоторых иконах Параскева Пятница изображается с мышкой», транслируется рядом православных интернет-ресурсов (по-видимому, первая публикация: Мученица Параскева, нареченная Пятница // Русская народная линия. 2006. 10 нояб. http://pravoslavnye.ru/analitika/2006/11/10/muchenica_paraskeva_narechennaya_pyatnica). — *Прим. ред.*

¹⁴ Вероятно, связь «мышь — Макошь» обусловлена созвучием слов.

Список информантов

1. Варфоломеева К. Н., 1920 г.р., д. Костыши Щёлковского р-на; 10 июня 2006 г.
2. Гудков В. И., 1931 г.р., с. Мосальское Щёлковского р-на; 12 июня 2006 г.
3. Приклонова В. Г., 1929 г.р., д. Костыши Щёлковского р-на; 10 июня 2006 г.
4. Стогова А. В., 1939 г.р., род. в Тюменской обл., живет в г. Щёлково Московской обл.; 13 июня 2011 г.
5. Тихов Н. П., 1934 г.р., д. Горбуны Щёлковского р-на; 12 июня 2006 г.

Александр Григорьевич Авдеев,

канд. ист. наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, Ун-т Дмитрия Пожарского, школа-интернат «Интеллектуал» (Москва)

**ВАЛУННЫЕ НАДГРОБИЯ
В «ЯЗЫЧЕСКОЙ» РОЩЕ**

В последнее время интерес к восточнославянскому язычеству значительно возрос. При всем том во многих исследованиях нельзя обнаружить четкой грани между язычеством, христианским благочестием и суевием, а убежденность отдельных авторов в «двоверном» — при всей расплывчатости данного термина¹ — и даже дохристианском характере многих обычаев и артефактов чаще всего основана на ограниченном выборе источников, вырванных из исторического и археологического контекста, о чем мне уже приходилось писать на примере камней-следовиков [2].

В то же время текстологический анализ древнерусских источников показывает, что обличаемое в них «язычество», не всегда адекватно современному пониманию этого терми-

на. То значение, которое вкладывали в понятие «язычество» древнерусские книжники, выясняется из окружающего термин «язычество» контекста и сравнительного анализа сходных исторических источников. Например, епископ Серапион, в 1274–1275 гг. возглавлявший Владимирскую кафедру, осуждал паству за «языческий» обычай выкапывания из могил останков самоубийц и утопленников, будто бы насылающих на живых природных катаклизмы [16. С. 382]. Однако контекст поучения показывает, что владыка соотносил с «язычеством» недостойные христианина суевия, противоречащие приведенным примерам из Священного Писания и историческим прецедентам (в том числе из древневосточной и античной истории). Позднее прп. Максим Грек, обличавший этот же

обычай, не видел в нем языческой составляющей, но считал его «безумной и богомерзкой прелестью», говоря иначе — суевием [11].

В 2013 г. вышла в свет монография Е. Б. Грузновой, посвященная «языческим традициям» в русском быту XVI в. Исследовательница обратила внимание на уникальное сообщение в трактате А. Гваньини «Описание Европейской Сарматии» (первое издание — 1571 г.), в котором упоминались кладбища с анэпиграфными валунными надгробиями, существовавшие в русских лесах. Опираясь на это сообщение, она сделала вывод, будто подобные некрополи находились «далеко за пределами жилой зоны» и отражали дохристианские представления [9. С. 124–125]. Этот вывод исследовательница мотивировала тем, что Русская Церковь требовала хоронить умерших внутри церковной ограды и боролась с «несанкционированными» захоронениями за ее пределами. Впрочем, свидетельств письменных источников XVI в., подкрепляющих эту точку зрения, исследовательница не привела, за исключением послания св. митрополита Новгородского Макария

с требованием прекращения практики арбуев — жрецов недавно крещенного инородческого населения Водской пятины — совершать погребения «в селех по курганам и по коломищем», поскольку они «к церквам деи на погосты своих умерших <...> не возят» [9. С. 124–125].

Анализ латинского текста позволяет выявить иные акценты, нежели те, что даны в русском переводе. А. Гваньини сообщает, что сельские простолюдины (*agreste vulgus*) совершают захоронения «в лесах и полях» (*sylius & ubi agris*) и «покрывают могильные холмы камнями для защиты и обозначения, а сверху ставят крест» (*lapidibus muniunt, signumq, cruces super imponunt*) [8. С. 67–68]². Из сообщения видно, что основным надгробным памятником был крест (что вряд ли совместимо с «дохристианскими представлениями»), а анэпиграфный валун клался на могилу «для признака» и «защиты» места захоронения при оплывании могильного холма. Подчеркну, что А. Гваньини называет участников этого обряда *христианами*, которые считали, что хотя земля под их кладбищем не была освящена, однако «тѣлами крещеными и освященными Христовым таинством, освящается земля, а не тѣла землей» (*ajut enim corporibus baptistastis sacramentisque Christi dicatis, et consecrates terram ipsam et non corpora terra consecrari*).

Вопрос заключается в том, насколько обычай, описанный А. Гваньини, подтверждается сведениями иных источников. Согласно актовым документам 1690-х гг., подобные кладбища существовали во многих уездах и, в зависимости от региона, отражали разную традицию маркировки захоронений. Так, в одной из судебных грамот 1695 г. сообщается: «...въ Ростовскомъ <...> уѣздѣ церковная земля, что было село Пахнутьево <...> и кладбища на той землѣ и доннынѣ есть, и кладбища тѣчки и дикое каменье на могилахъ есть» [3. Стб. 766, 769. № 179]. Источник описывает одно из типичных сельских кладбищ, широко распространенных на Северо-Востоке Руси (см.: [5; 18; 19]). В это же время межевая книга окрестностей Новгорода 1690 г. отмечает: «...отъ деревни Монастыря къ полудни подлѣ дорогѣ стоить крестъ, у того креста могилнягъ, каменье могилное вросло в землю» [4. Стб. 134. № 132]. Здесь речь идет о типичном для Северо-Запада Руси раннесредневековом могильнике — жальнике. Его маркировали белокаменные кресты [21; см. также: 15], служившие, как показывают современные этнографические данные, местом индивидуального и литургического поминовения безымянных покойников (подробнее см.: [20. С. 165–169]). Возможно, информатор А. Гваньини видел подобный некрополь, но анало-

Ил. 2. Ярославль. Церковь Илии Пророка. Валуны на территории церковного некрополя. Фото А. Г. Авдеева. 2012 г.

гичная практика существовала и в Московском крае: белокаменный крест был найден при исследовании кладбища с анэпиграфными валунными надгробиями при д. Михайловское на р. Воре [19. С. 77, 80]. Наконец, известен рисунок А. Мейерберга, посетившего Московскую в 1661–1662 гг. На нем изображено сельское кладбище с многочисленными могильными холмиками, на вершинах которых лежат небольшие округлые валуны, ориентированные по линии восток — запад. Топографическая привязка отсутствует, но можно предполагать, что зарисовка сделана на одном из сельских некрополей по пути из Новгорода в Москву.

Анализ археологических источников показывает, что в XIII–XIV вв. сельские кладбища с анэпиграфными валунными надгробиями постепенно вытеснили языческие курганные могильники на Северо-Востоке Руси. Так, раскопки близ д. Власьевской в Подмоскowie, проведенные С.З. Черновым, выявили два одновременных некрополя при непрерывности существования сельского поселения в XI–XV вв. и преемственности этнической связи христиан, захороненных по православному обряду, с языческим населением. Курганный могильник существовал в IX — первой трети XIII в., а сменившее его христианское кладбище с анэпиграфными надгробными валунами возникло в середине XIV в. и из-за большой удаленности церкви от места поселения располагалось на окраине деревни [17. С. 81].

Не менее важен вопрос, являлись ли анэпиграфные валунные надгробия признаком «языческого» некрополя, поскольку современные исследователи нередко усматривают связь положения надгробия на могилу с «древним» (*sic!*) обычаем «связать» душу умершего с могилой, чтобы она не блуждала [13. С. 451]. Однако восточнославянское

Ил. 1. Ярославль. Церковь Илии Пророка. Придел мучеников Гурия, Самона и Авива. Фреска «Чудо с живо погребенной отроковицей Евфимией». 1680 г. Фото А. Г. Авдеева. 2017 г.

язычество индивидуального надгробия не знало. Семантическими его аналогами были сосуды с пеплом умерших, ставившиеся «на распутии на стлѣпѣ», позднее — курганные насыпи над местом захоронения и совершения поминальной тризны³. Незнакомые язычеству *индивидуальные* намогильные памятники — анэпиграфные валуны — появляются на сельских кладбищах Северо-Востока Руси не ранее XIII в. и к XV в. становятся преобладающим типом надгробий [6. С. 15; см. также: 2. С. 74–79]. В современной археологической литературе сложилось мнение, что анэпиграфные валунные надгробия являются признаком сельской погребальной культуры [6. С. 15; 19. С. 77]. Однако в это же время они были характерны и для городской культуры, хотя в древнерусских житиях сохранились сведения лишь об уникальных захоронениях, отмеченных данными памятниками. «Самородная дска» из Борисоглебского монастыря в Муроме над могилой свв. князей Муромских, упомянутая в их Житии, не имеет точной хронологической привязки, так как время их смерти может быть отнесено либо к концу XII, либо к 30-м гг. XIII в. Следующие по времени примеры — анэпиграфные валунные надгробия, находившиеся на могилах двух подвижников, умерших в 1303 г., — князя Даниила Московского в Даниловом монастыре и Прокопия в Великом Устюге⁴. Круг этих сведений расширяют раскопки городских приходских некрополей. Во время раскопок некрополя близ церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Переславле-Залесском наряду с ранними белокаменными плитами конца XV–XVI в., лежащими *in situ*, были обнаружены ориентированные по линии восток — запад валуны, некоторые из которых имели следы подтески [10. С. 304].

С XVI в. о типичности анэпиграфных надгробных валунов для восточно-христианского мира русский читатель узнавал из переводных памятников византийской агиографии. Пример тому — Житие Гурия, Самона и Авива, созданное Симеоном Метафрастом в конце X в. и переведенное для Великих Четий Минеи св. митрополита Макария. Одним из его эпизодов является рассказ о чуде с заживо погребенной отроковицей. Некий готский воин, будучи уже женат, во время похода женился на Евфимии, покаявшись на могиле святых в верности своей новой супруге, но, привезя домой, выдал ее за свою рабыню. Жена гота, заподозрив его в измене, решила отравить его сына, прижитого от Евфимии, но та отерла яд на губах младенца куском шерсти и омочила его в кубке с вином, принадлежавшем хозяйке дома. Выпив из него, ревнивая супруга умерла, а ее родственники,

обвинив в ее смерти Евфимию, «затво-риша отроковицу во гробѣ, идеже положили бяху умершїа тѣло; и положиша камень великѣверху гроба» [7. Стб. 2050–2051; ср.: 22. Col. 127: λίθω τε τραχέι τὸν τάφον διασφαλίζοντα]. Созданная артелью Гурия Никитина в 1680 г. фреска на северной стене придела Гурия, Самона и Авива в ярославской церкви Ильи Пророка изображает финальный эпизод чуда (ил. 1). Явившиеся по молитвам Евфимии святые стоят у белокаменного саркофага, украшенного барочными узорами, поверх которого лежит красно-коричневый валун со светлыми прожилками, подобный камням, обнаруженным в 2010–2012 гг. во время работ по понижению грунта на территории храмового некрополя (ил. 2).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что типичное деревенское кладбище, которое описал А. Гваньини, находилось в лесу за пределами деревни ввиду удаленности церкви и никак не было связано с «дохристианскими представлениями» «непросвещенных пейзаж». Подобные заключения должны базироваться на комплексном анализе письменных, археологических и изобразительных источников.

Примечания

¹ О расплывчатости термина «двоеверие» см.: [12. С. 243].

² Коррекция перевода моя.

³ В такой последовательности летописец Переславля Суздальского перечисляет смену типов намогильных сооружений восточных славян в языческую эпоху [14. С. 6].

⁴ Подробнее об этих надгробиях см.: [1. С. 90–98].

Литература

1. Авдеев А. Г. Валунные надгробия Верхневолжья (конец XV — вторая треть XVIII в.): Вопросы генезиса, бытования и источниковедения. М., 2015.
2. Авдеев А. Г. Камни-следовики в Древней Руси // Традиционная культура. 2017. № 1 (65). С. 7–22.
3. Акты, касающиеся до юридического быта Древней России / Под ред. Н. Калачова. Т. 2. Киев, 1863.
4. Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России / Собр. и изд. А. А. Федотов-Чеховский. Т. 2. СПб., 1864.
5. Алексеев А. В. Церковные древности Звенигородской земли: Очерки церковной археологии. Звенигород, 2017.
6. Беляев Л. А. Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // Русское средневековое надгробие: Материалы к своду / Сост. и отв. ред. Л. А. Беляев. Вып. 1. М., 2006. С. 7–31.
7. Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Вып. 8. Ноябрь. Дни 13–15. СПб., 1899.
8. Гваньини А. Описание Московия / Пер. с лат., введ. ст. и коммент. Г. Г. Козловой. М., 1997.

9. Грузнова Е. Б. На распутье Средневековья. Языческие традиции в русском простонародном быту (конец XV–XVI вв.). СПб., 2013.

10. Зейфер В. А., Мазурок О. А., Расказова А. В. Средневековый некрополь церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Переславле-Залесском // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 10. М., 2014. С. 304–321.

11. Инок Максима Грека послание на безумную прелесть и богомерскую мудрствующих, яко погребания для утопленного убитого бывають плодотворительны стужы земных прозваний // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 3. Казань, 1897. С. 138–145.

12. Кольванов Г. Е. Двоеверие // Православная энциклопедия. Т. 14. М., 2006. С. 242–244.

13. Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Камень // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 448–453.

14. Полное собрание русских летописей. Т. 41: Летописец Переславля Суздальского. М., 1996.

15. Седов В. В. Жальники // Российская археология. 2000. № 1. С. 7–22.

16. Слова и Поучения Серапиона Владимирского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колосова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII в. СПб., 1997. С. 370–385.

17. Чернов С. З. Кладбище деревни Власьевской XIV–XV вв. и воцерковление сельского населения Московского края // Российская археология. 2016. № 1. С. 70–84.

18. Чернов С. З. Некрополь и селище у церкви Николы на Пружках по данным археологических исследований 1990 г. // Макарьевские чтения. Вып. 6: Канонизация святых на Руси: Материалы VI Рос. науч. конф., посвященной памяти святителя Макария (10–12 июня 1998 года). Можайск, 1999. С. 316–349.

19. Чернов С. З. Сельские некрополи XVI–XVII вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. М., 1991. С. 73–97.

20. Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб., 2012.

21. Ярмолович И. А. Каменный крест из д. Тербуни на р. Мшаге // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 17: Материалы науч. конф. Новгород, 28–30 апреля 2003 / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород, 2003. С. 323–329.

22. Symeon Metaphrastes. Martyrium sanctorum Christi martyrum et confessionum Huriae, Samonae et Abibi // Patrologia Graeca / Ed. by E. Migne. Vol. 116. Paris, 1864. Col. 127–162.

Статья подготовлена в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей» при поддержке Фонда Развития ПСТГУ (см.: <http://cir.rssda.su>).